

**Л. ЛИТВИНЕНКО**

Студентка V курса юридического ф-та

## **НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ОБЩЕЙ ЧАСТИ УГОЛОВНОГО ПРАВА В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА СССР**

В практике Верховного Суда СССР мы находим прямой ответ на ряд важнейших вопросов теории уголовного права. Настоящая статья имеет в виду рассмотреть только некоторые вопросы общей части уголовного права в практике Верховного Суда СССР — вопрос вины, необходимой обороны и крайней необходимости.

Вина в советском уголовном праве является непременным условием уголовной ответственности, которой подлежат лишь лица, совершившие общественно-опасное действие или бездействие виновно-умышленно или неосторожно.

Судебная практика в полной мере учитывает то общее принципиальное значение, которое законодатель придаёт виновности. Верховным Судом СССР неоднократно подчёркивалось, что одно только причинение вреда само по себе не является основанием для уголовной ответственности. В частности, смерть потерпевшего, хотя и наступившая вследствие обстоятельств, связанных с действиями обвиняемого, не может служить основанием для квалификации его действий как умышленное или неосторожное убийство, если обвиняемый не предвидел и не мог предвидеть эти последствия. Принцип — «нет наказания без вины» — является одним из основных принципов советского уголовного права, построенного на началах последовательного демократизма и гуманизма. Этого принципа придерживается и судебная практика.

Говоря о вине, нужно, прежде всего, остановиться на её видах. Вина выражается в форме умысла, прямого или эвентуального, и неосторожности — в форме самонадеянности или небрежности. Чёткое разграничение видов виновности имеет принципиальное значение в советском уголовном законодательстве.

Среди опубликованных за последнее время (1941—1947 г.г.). постановлений Пленума Верховного Суда СССР и определений Коллегий Верховного Суда СССР немало таких, которые содержат общий анализ прямого умысла и неосторожной вины. Мало освещён в судебной практике вопрос об определении понятия эвентуального умысла. Но и то немногое, чем располагает судебная практика, даёт возможность раскрыть природу эвентуального умысла.

В качестве иллюстрации может служить постановление Пленума Верховного Совета СССР от 27 сентября 1946 года по делу Сажина<sup>1</sup>.

Сажин и Оселков, будучи в нетрезвом состоянии, вышли на перрон и направились к дачному поезду. По пути Оселков начал грубо приставать к неизвестной гражданке, за которую вступился один из пассажиров. Между ними завязалась драка, в результате которой Оселков, получив удар, упал. Тогда к нему на помощь пришёл Сажин. Он выхватил пистолет и стал им наносить удары по голове гражданину, дравшемуся с Оселковым. При этом он произвёл три выстрела, которыми были убиты два пассажира, находившиеся в тамбуре одного из поездов.

Сажин был осуждён Военным Трибуналом Пермской железной дороги по ст. 136 УК РСФСР (ч. II, ст. 138 УК УССР) за умышленное убийство, совершённое военнослужащим при особо отягчающих обстоятельствах.

При рассмотрении дела в кассационном порядке действия Сажина были переквалифицированы по ст. 139 УК РСФСР (ст. 144 УК УССР) — убийство по неосторожности.

Пленум Верховного Суда СССР признал первую и вторую квалификацию совершённого преступления неправильной. Пленум нашёл, что в действиях Сажина отсутствует как прямой умысел, так и неосторожность. Стеля из пистолета в суতোке посадки на поезд, на близком расстоянии от вагонов, Сажин, безусловно, предвидел возможные последствия стрельбы. Тем не менее, он безразлично отнесся к ним, сознательно допуская в числе этих последствий и смерть кого-либо из присутствующих. Поэтому действия Сажина следует квалифицировать как убийство, совершённое с эвентуальным умыслом, способом,

<sup>1</sup> Судебная практика Верховного Суда СССР, 1946 г., вып. VIII (XXXII), стр. 5—8.

опасным для жизни многих людей. Пленум квалифицировал действия Сажина по п. «в» ст. 136 УК РСФСР.

Правильное определение формы виновности и, прежде всего, внимательное изучение субъективной стороны состава преступления, основанное на данных теории, помогает судебной практике правильно квалифицировать то или иное преступление.

Во многих определениях Верховный Суд СССР останавливается на раскрытии содержания и другой формы виновности — неосторожной вины. Советское уголовное право различает в неосторожной вине два вида: небрежность и самонадеянность.

Преступная небрежность вызывает интерес в силу своеобразия этой формы вины. Согласно теории советского уголовного права при преступной небрежности виновный не предвидит последствий своих действий, но по обстоятельствам дела должен был их предвидеть. Именно непредвидение и является той субъективной причиной, в силу которой виновный лишается возможности избежать преступного результата. Однако советская судебная практика последовательно придерживается взгляда, что при преступной небрежности необходимо, чтобы виновный мог или должен был предвидеть преступный результат своих действий.

Возможность предвидения сводится к вопросу, могло ли данное лицо при определённой обстановке воспользоваться своими психическими способностями, например, способностью мышления. Иногда, в силу объективных или субъективных причин, эта возможность предвидения может быть фактически ограничена. Для иллюстрации может быть приведено определение Коллегии Верховного Суда СССР от 24 сентября 1942 года.

«Блинов был признан виновным в том, что он, управляя автобусом, не свернул в сторону от шедшего навстречу по тротуару моста гражданина Рассказова, который был в нетрезвом виде, вследствие чего последнего ударило автобусом и он по дороге в больницу умер». Из материалов дела видно, что Рассказов шел по тротуару моста, автобус же следовал по проезжей части, на расстоянии одного метра от тротуара. Блинов миновал Рассказова передней частью автобуса. Услышав стук о заднюю часть автобуса, остановил машину и обнаружил раненого Рассказова.



Судебная коллегия Верховного Суда СССР усмотрела, что со стороны Блинова не было никакого нарушения правил уличного движения, так как расстояние автобуса до тротуара вполне гарантировало безопасность движения. Блинов, в силу объективных обстоятельств, был лишен возможности предвидеть случившееся. Поэтому судебная коллегия Верховного Суда СССР приговор народного суда и определение областного суда отменила и дело производством прекратила.

При решении вопроса о том, *д о л ж е н* ли был обвиняемый в преступной небрежности предвидеть последствия своих действий, суд призван установить: лежала ли на обвиняемом какая-либо обязанность. «Лицо должно предвидеть последствия своих действий тогда, когда отсутствие предвидения может явиться одной из причин невыполнения лежащей на данном лице правовой обязанности»<sup>1</sup>.

С точки зрения определения виновности принципиальное значение имеет постановление Пленума Верховного Суда СССР от 10 января 1946 года по делу Егоровой.

Находясь у себя в квартире, Егорова услышала во дворе плач своей четырёхлетней дочери Светланы. Егорова выскочила во двор и увидела, что девочку били два мальчика. Один из них убежал, а четырёхлетний Женя остался. Егорова отодрала его за уши, но когда он ударил её по ноге игрушечным ружьём, она ударила его раз или два рукой по голове. Никаких признаков ушиба у ребёнка родители не заметили. Они его даже брали на огород. На следующий день у Жени поднялась температура, его отвезли в больницу, где он умер.

Вскрытие установило, что смерть произошла от перелома обеих теменных костей с точечным кровоизлиянием и сотрясанием мозга. Экспертиза дала заключение, что эти повреждения могли быть нанесены тупым твердым предметом или даже рукою.

Народный суд и Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР квалифицировали действия Егоровой по ст. 142, ч. II УК РСФСР как умышленное нанесение тяжкого телесного повреждения, повлёкшего смерть потерпевшего. Согласно этой квалификации следует, что Егорова предвидела последствия удара (причинение тяжкого телесного поврежде-

<sup>1</sup> Т. Л. Сергеева. Журнал «Советское государство и право», № 4, 1947 г., стр. 26.

ния или даже смерть ребенка), желала или сознательно допускала наступление этого результата.

Пленум Верховного Суда СССР признал, что целью нанесения Егоровой удара Жене было желание наказать его для того, чтобы он впредь не обижал её девочки. Удар был нанесён голой рукой по голове, на которой был суконный солдатский шлем и вовсе не с такой силой, которая бы вызвала у очевидцев, и прежде всего у родных, тревогу о возможных тяжких последствиях для здоровья ребёнка. Таким образом, хотя удар и был нанесён умышленно, тем не менее, умысел не простирался на наступившие в действительности последствия. Егорова их не предвидела.

По заключению экспертизы удар рукой одной и той же силы по голове ребёнка может вызвать различные результаты, в зависимости от конституционных особенностей ребёнка и перенесённых им заболеваний.

Пленум Верховного Суда СССР признал наличие в действиях Егоровой неосторожной вины.

Нанося удар по голове мальчика, Егорова, хотя и не предвидела последствий своих действий, но в силу конкретных обстоятельств (возраст ребенка и известное ей его болезненное состояние), должна была предвидеть возможность наступления опасного для жизни телесного повреждения и даже смерти. Поэтому действия Егоровой Пленум квалифицировал по ст. 139 УК РСФСР как неосторожное лишение жизни.

Постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Егоровой показывает, что при квалификации преступления нельзя руководствоваться лишь одними объективными последствиями совершённого действия. Прежде всего необходим анализ субъективной стороны совершённого преступления, установление отношения лица к наступившим последствиям и определение формы виновности.

Следующим вопросом, имеющим принципиальное значение и разрешаемым в постановлениях Пленума Верховного Суда СССР, является вопрос о необходимой обороне.

Наказание не применяется в том случае, когда действие, предусмотренное законом, совершается в состоянии необходимой обороны и при этом не допускается превышение пределов необходимой обороны, т. е. если интенсивность защиты соответствует интенсивности нападения и нет резкого несоответствия между вредом причинённым и предотвращённым.

Соответствия же между средствами защиты и средствами нападения не требуется. Была ли необходимость использовать данные средства для обороны решается судом на основе оценки всех конкретных обстоятельств дела.

В практике Верховного Суда СССР имелось дело Площанского, который был признан виновным в убийстве гражданина Петрова в результате превышения пределов необходимой обороны<sup>1</sup>.

Проходивший по улице в нетрезвом состоянии мужчина, оказавшийся впоследствии Петровым, приставал к гражданке Абрамовой. На её крик прибежали родители её мужа и их квартирант Площанский. Они просили буяна оставить Абрамову в покое, в ответ Петров начал избивать Площанского. Защищаясь, последний нанес Петрову удар кинжалом, повлекший смерть Петрова.

Верховный Суд Башкирской АССР при рассмотрении данного дела пришёл к выводу, что Площанский в той ситуации, в которой он оказался, имел право на осуществление необходимой обороны. Необходимая оборона была своевременной и по интенсивности и угрозе соответствовала интенсивности и угрозе нападения.

Согласно теории советского уголовного права защита допускается при отражении нападения на охраняемые правом интересы как свои, так и чужие. В данном случае Площанский защищал себя, старика и женщину и ни о каком превышении пределов необходимой обороны не может быть речи.

Судебная практика, как и преобладающая точка зрения в теории, придерживается того взгляда, что несвоевременность защиты создаёт один из видов превышения пределов необходимой обороны.

В этом отношении интересно постановление Пленума Верховного Суда СССР по делу Симахина и др., осуждённых за убийство в результате превышения пределов необходимой обороны.<sup>2</sup>

Группа подростков собралась на квартире своего товарища Глебова. Около 8 часов вечера к дому Глебова подошел Козлов в сопровождении нескольких подростков и потре-

<sup>1</sup> Судебная практика Верховного Суда СССР, 1945, вып. VIII (XXIV), стр. 9—10.

<sup>2</sup> Судебная практика Верховного Суда СССР, 1945, вып. V (XXI), стр. 4—6.



бовал, чтобы мать Глебова удалила собравшихся у неё мальчиков, в противном случае угрожал расправиться и с ней. Козлов был вооружён штыком, тесаком, железной тростью. Кроме того, двух сопровождавших его подростков он послал за ножом. Мать удалила своих гостей из дому. Мальчики, выйдя во двор, вооружились топором, тесаком, вилами, ножами. В это время Козлов был задержан и обезоружен начальником местной пожарной дружины. Между тем, отец одного из подростков Симахин, оповещённый об угрозах Козлова, выбежал из дому и, увидев Козлова, нанёс ему удар топором по голове, после чего и подростки стали избивать Козлова. В результате полученных ударов Козлов умер.

Пленум Верховного Суда СССР нашёл, что обвиняемые находились в состоянии необходимой обороны, но превысили её, так как совершили действия, повлекшие смерть Козлова, уже после его обезоружения, когда непосредственная опасность миновала.

Вся обстановка деяния, как она описана в приговоре и по материалам дела, даёт основание считать, что Симахин и др. не находились в состоянии необходимой обороны. Для квалификации лишения жизни, как убийства, явившегося следствием превышения пределов необходимой обороны, нужно, чтобы нападение было действительным и реальным. Козлов же фактически не нападал и не представлял опасности для обвиняемых: в момент избивания он находился один перед лицом семи вооружённых подростков, на помощь которым пришёл взрослый мужчина.

Авторы комментария к Уголовному кодексу РСФСР стоят на той точке зрения, что «...случаи убийства нападавшего, уже обезоруженного, случаи убийства спустя некоторое время после нападения не дают состава рассматриваемого преступления (превышения пределов необходимой обороны — Л. Л.), а квалифицируются в зависимости от конкретных обстоятельств дела по ст. 136—138»<sup>1</sup>. Отнесение того или иного случая к превышению пределов необходимой обороны, т. е. разграничение его от ненаказуемого убийства, в соответствии с ч. 1 ст. 13 УК РСФСР, и от обыкновенного умышленного убийства, квалифицируемого по ст.ст. 136 и 137 УК РСФСР,

<sup>1</sup> Уголовный кодекс РСФСР, комментарий, 2-е издание, Юриздат, 1944, стр. 189.

находится в непосредственной зависимости от общего подхода к вопросу о необходимой обороне.

При решении вопроса по делу Симахина и др. было бы более правильным придерживаться мнения, высказанного авторами комментария к Уголовному кодексу РСФСР.

Кроме необходимой обороны, обстоятельством, исключающим общественную опасность, является состояние крайней необходимости. По этому вопросу практика полностью разделяет положение теории советского уголовного права.

Случаи крайней необходимости характерны столкновением двух охраняемых законом интересов, где сохранение одного может быть достигнуто путём нарушения другого. Преступность совершённого исключается лишь при соблюдении ряда условий, относящихся к грозящей опасности и к защите.

Говоря о состоянии крайней необходимости, в качестве примера можно привести определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда СССР от 28 августа 1945 г. по делу Ятыргина и Алявле.

Алявле и Ятыргин признаны виновными в том, что в 1942 г. они, следуя из посёлка Островное, совершили хищение продуктов из склада Чаук-Чукотской геолого-разведывательной партии, который находился без охраны. Алявле, кроме того, признан виновным в том, что в октябре 1942 г. похитил с пастбища двух оленей, которых забил на мясо<sup>1</sup>.

Коллегия Верховного Суда СССР отменила приговор народного суда, указав, что обвиняемые действовали в состоянии крайней необходимости. Очутившись в пути следования без продуктов питания, Ятыргин и Алявле стояли перед лицом голодной смерти, избежать которой иным путём было невозможно. Причинённый вред (использованные продукты и убитые два оленя) был слишком ничтожным по сравнению с тем возможным вредом, который был избегнут (смерть двух людей).

По делу Алявле и Ятыргина Судебная Коллегия по уголовным делам Верховного Суда СССР признаёт положение теории, которая гласит: «Действия, совершённые в состоянии крайней необходимости, не влекут за собой уголовной ответственности»<sup>2</sup>.

---

<sup>1</sup> Судебная практика Верховного Суда СССР, 1945, вып. VIII (XXIV), стр. 10—11.

<sup>2</sup> Там же, стр. 10.